

Валерий Вьюгин

«Замахнуться на Вильяма...»

(Эстетическая теория, литературная учеба и культурный ресайклинг)

Отношения между поколениями в искусстве, даже если они складываются между учителем и учеником, редко бывают безоблачными. Когда речь заходит о настоящих поэтах (так, по крайней мере, утверждает Гарольд Блум в знаменитой книге «Страх влияния») — это всегда «битва между равными по силе, отцом и сыном как могущественными противоположностями, Лаем и Эдипом». Блум в 1970-е годы описывает, по сути, тот же механизм «остранения», который до него успешно популяризировали формалисты в 1920-е, только конвертирует термины поэтической техники в ницшеанско-фрейдистские. Тот же самый конфликт — «отцов и детей», учителей и учеников, оригинала и копии, примордиального и вторичного, — вполне представим в контексте экономического дискурса, как, например, у Бенямина, обращающегося к эпохе модерна и машинного производства, или в перспективе постмодернистской теории симулякра, как у Бодрийяра, или в свете, опять-таки постмодернистского, «различия и повторения», если вспомнить о книге Делеза... Я же в своем докладе попытаюсь рассмотреть этот разноликий конфликт с точки зрения «культурного ресайклинга».

Я буду апеллировать к двум омонимичным, но все же функционально не безразличным друг другу трактовкам этого термина. С одной стороны, к той, которую предложил в начале 1990-х годов один из первых теоретиков культурного ресайклинга Вальтер Мозер («любое повторное использование (réutilisation) имеющегося культурного материала в новых практиках вне зависимости от того, насколько этот материал и эти практики различны по распространенности, формам и сферам бытования»). С другой стороны, к той, которая с середины 1960-х годов, особенно во Франции, используется в педагогических кругах, — «переподготовка», «переучивание».

Некоторые общие рассуждения по поводу эстетической теории, литературной учебы и концепции «культурного ресайклинга», я постараюсь подкрепить рядом конкретных иллюстраций — «случаев» как из истории литературы (драматургии) веков XX и XXI, так и из истории других видов искусств, где на первый план выходят столкновение поколений и борьба учеников и учителей.

В этом отношении я остановлюсь на современных интерпретациях наследия живописца XVI – XVII Падованино (Алессандро Варотари), творчество которого рассматривают как пример ученичества у Тициана и одновременно как пример культурного ресайклинга, объясняя с помощью концепции ресайклинга его прижизненную славу и посмертную репутацию плагиатчика. Можно ли подражать учителю, насколько точно можно подражать учителю и в какие эпохи это уместно? Таков кардинальный вопрос, который современные исследователи ставят в связи со взлетами и падениями Падованино. Падованино — художник, но, как представляется, то, что с ним происходило, характерно для любого типа творчества, включая литературное.

Гарольд Блум в «Страхе влияния» исключает из своего рассмотрения Уильяма Шекспира как поэта, который страха влияния не испытывал. Я тоже в своем докладе не осмелюсь замахнуться на эту фигуру, но зато расскажу о том, чему и как учились у Шекспира некоторые из его последователей во второй половине XX столетия.

В связи с «образом Шекспира-педагога» я остановлюсь на радикальных практиках и теоретизированиях таких учившихся у него в XX веке драматургов и театральных режиссеров, как создатель «Театра нелепого» Гари Такер (Gary Tucker), Чарльз Ладлэм (Charles Ludlam) и Чарльз Маровиц (Charles Marowitz), ставший в 1991 году по совместительству автором книги «Ресайклинг Шекспира».

Опыт этих деятелей современной культуры тоже ставит проблему границ подражания учителю, но только в данном случае речь идет не о том, насколько точно ученик может подражать учителю, а о том, насколько и в чем допустимо быть на него непохожим.